

Жорес МЕДВЕДЕВ

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

ГЛАВА 5*

ВОЛЬНЫЙ ГОРОД ОБНИНСК

В конце 1963 года небольшой Обнинск неожиданно стал знаменитым городом. Это произошло не благодаря первой атомной электростанции или уникальной радиологической мачте-трубе высотой в 310 метров, а в результате телевизионного соревнования двух команд КВН — Дубны и Обнинска. Телевизионное шоу КВН (Клуб весёлых и находчивых) появилось впервые в 1961 году и быстро стало исключительно популярным. Это было интеллектуальное соревнование между городами, в которых группы молодых учёных, инженеров, поэтов и музыкантов проявляли своё остроумие и творческие способности в решении различных задач. В то время в СССР ещё не было видеомagneтофонов и телевидение работало исключительно в прямом эфире. Предвидеть заранее характер всей игры, соревнования умов и умений, было невозможно, и именно эта свобода от цензуры, спонтанность действия и появившиеся в ходе шоу политические шутки, импровизации, пародии и остроумные куплеты определяли интерес, а нередко и восхищение аудитории. Аналогов КВН в других странах не было. 8 ноября 1963 года на сцену Телевизионного театра на площади Журавлёва в Москве вышли сборные команды Обнинска и Дубны, двух городов науки. Игра-соревнование продолжалась около четырёх часов.

«Знаменита Дубна, всем известно, где она. А о том, где мы живём, знают лишь за рубежом» — эту шутку из приветствия обнинской команды современный зритель может и не понять. Это была ирония по поводу «секретности» Обнинска. Дубна, город в 125 км от Москвы, на границе Московской и Калининской (Тверской) областей, примерно равный Обнинску по числу жителей (около 30 тысяч), был известен своим Международным Объединённым институтом ядерных исследований (ОИЯИ), основателями которого были СССР, его восточноевропейские соседи по СЭВ, а также Югославия, Вьет-

нам, Монголия и Куба. ОИЯИ был социалистическим вариантом Европейского центра ядерных исследований (ЦЕРН) в Женеве, участниками которого были 17 стран. Синхрофазотрон в Дубне с длинной вакуумной камеры ускорителя в 500 метров и с магнитом весом в 36 тысяч тонн был в то время самым крупным в мире физическим прибором. Это обеспечивало советским физикам приоритет в синтезе атомов новых трансурановых элементов.

Команды заранее не знали проблем, которые им нужно будет решать в соревновании. В данном случае одним из заданий оказалась сборка из деталей импортного кухонного комбайна — куда бытовой техники США (его никто из участников игры никогда не видел) и приготовление с его помощью гоголь-моголя и яблочного сока. Обнинские учёные с этой задачей справились. Соперники из Дубны собрать комбайн не смогли. Они проиграли и в других эпизодах.

Капитаном команды КВН Обнинска был Валентин Турчин, математик, руково-дивший теоретическим отделом Физико-энергетического института (ФЭИ). В капитанском конкурсе на игре 8 ноября он одержал достаточно яркую победу над капитаном команды Дубны. Турчин и другие члены обнинской команды КВН — Александр Круглов, Валерий Нозик и Валерий Павлинчук, таланты которых были сразу оценены зрителями, стали в Обнинске знаменитостями.

В начале 1964 года в Обнинске в клубе ФЭИ начал работу Дом учёных. Он быстро приобрёл популярность организацией встреч с известными людьми того времени. Владимир Дудинцев, Константин Паустовский, Евгений Евтушенко, Владимир Тендряков читали отрывки из своих неопубликованных произведений. Владимир Высоцкий пел под гитару, и его песни в записях расходились по стране. Михаил Ромм рассказал о том, как создавался фильм о физиках «Девять дней одного года», показ которого в СССР не прекращался с 1961 года: это был лучший фильм того времени. Событием стал приезд в обнинский Дом учёных опального тогда маршала Г. К. Жукова. Посёлок Угодский Завод, где прошло детство Жукова, был расположен недалеко от

Обнинска. В своих воспоминаниях перед переполненной аудиторией Жуков рассказал о боях осени 1941 года именно в районе, где сейчас находится Обнинск. Немецкая армия была на короткое время задержана обороной на Протве и окончательно остановлена в 70 км от южных окраин Москвы.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ

Тимофеев-Ресовский был утверждён в должности заведующего отделом радиационной генетики и радиобиологии в марте 1964 года. Ему была предоставлена стандартная трёхкомнатная квартира в доме недалеко от моего. Экспериментальный сектор института был расположен в лесу в четырёх километрах от города, и сотрудники приезжали туда на служебных автобусах. Рабочий день начинался в восемь часов утра. Городского транспорта в Обнинске в то время вообще не было.

Тимофеев-Ресовский вполне обоснованно считался крупнейшим в мире авторитетом по популяционной и радиационной генетике. К 1964 году у него было в этой области около 200 публикаций, в основном на немецком языке. Большая часть этих исследований осуществлялась с классическим генетическим объектом, плодовой мушкой дрозофилой (*Drosophila melanogaster*), преимущества которой (короткий цикл репродукции, лёгкость содержания и размножения в пробирках на питательных средах в термостате, наличие в клетках небольшого числа хромосом и многое другое) привели к тому, что почти все основные законы наследственности животных были впервые открыты именно в опытах на дрозофиле.

Я не касаюсь здесь сложной и во многом трагичной биографии Тимофеева-Ресовского. Она к настоящему времени отражена в нескольких книгах, наиболее известной из которых является документальная повесть Даниила Гранина «Зубр». Удивительным было то, что такой уникальный человек был жив и работал, сохранив свой характер и талант в двух тоталитарных режимах. Но его поте-

*Продолжение. Начало см.: Родина. 2011. № 1, 5–6, 11–12; 2012. № 1, 2.

ри были тяжёлыми. В СССР в 1937 году арестовали его младших братьев: один из них, Владимир, директор небольшого завода в Ленинграде, был в том же году расстрелян, второй провёл десять лет в лагерях. В Германии был арестован в 1943 году старший сын Дмитрий, казнённый гестапо в 1945 году.

Следует отметить здесь и то, что в 1949 году правительственная директива о прекращении в СССР всех исследований с дрозофилой достигла и того засекреченного тюремного института в Челябинской области, «объекта 0211», в котором Тимофеев-Ресовский руководил отделом радиобиологии. Он в связи с этим переключился на исследования по радиационной экологии, изучению закономерностей распространения радиоактивных изотопов в естественных средах. В Обнинске он возобновил эксперименты с дрозофилой и продолжал исследования по радиационной экологии. Основной трудностью для его работы была значительная потеря зрения в результате дистрофии и тяжёлого авитаминоза, пеллагры, которые он перенёс, находясь на общих работах в Карагандинском лагере в 1946–1947 годах. Он не мог читать и работать с микроскопом. Используя сильную и большую четырёхугольную лупу, изготовленную специально для него, Тимофеев-Ресовский читал по строчкам лишь художественные произведения. Но научные статьи, в которых главные результаты отражают таблицы, схемы, графики, рисунки, фотографии и формулы, он не мог читать. Ему их пересказывала жена, Елена Александровна. Она же проводила изучение популяций дрозофилы.

Тимофеев-Ресовский не имел никаких учёных степеней и дипломов. Его отправили в бессрочную командировку в Германию в 1925 году для создания в берлинском Институте мозга генетической лаборатории, когда он ещё не успел закончить Московский университет. В Германии у него дипломов не требовали. Но в СССР после 1946 года высокие оклады учёных были законодательно привязаны к учёным степеням и званиям, подтверждаемым дипломами Высшей аттестационной комиссии. В исключительных случаях не имеющие таких дипломов учёные обеспечивались «персональными» окладами, но в каждом случае лишь по решению Совета министров СССР. В 1962 году Тимофеев-Ресовский в конце концов решил преодолеть этот барьер и защитил в Уральском филиале АН СССР докторскую диссертацию в форме автореферата «Некоторые проблемы радиационной биоценологии», к которому были прило-

жены оттиски публикаций по этой теме. Такая форма защиты «по совокупности работ» была разрешена для учёных старшего поколения, сформировавшихся до реформ в науке в 1946 году. Однако Высшая аттестационная комиссия, в которой биологический сектор возглавлял В. Н. Столетов, не утверждала решение Уральского филиала АН СССР. В результате этого в Обнинске Тимофееву-Ресовскому могли установить зарплату лишь на уровне младшего научного сотрудника без учёной степени, это было около 100 рублей в месяц. Елена Александровна также была зачислена на должность младшего научного сотрудника.

Тимофеев-Ресовский обладал уникальной способностью излагать устно свои мысли, воспоминания или научные тексты в максимально ясной и точной форме. Его устные лекции или рассказы можно было записывать на магнитофон, что нередко и делалось, и воспроизводить затем в виде письменного текста без всякого редактирования. Повесть Д. Гранина «Зубр» — это в основном запись устных рассказов Николая Владимировича. В то время я думал, что эта способность формулировать окончательный текст в уме, а не на бумаге, развилась как приспособление к ограниченности зрения. Однако через много лет немецкие друзья и коллеги Тимофеева-Ресовского, К. Циммер и М. Дельбрюк, рассказывали мне, что он удивлял всех и в берлинском институте, диктуя на немецком языке свои статьи и обзоры.

Тимофеев-Ресовский безусловно страдал из-за невозможности общения со своими немецкими, британскими и американскими друзьями и коллегами, некоторые из которых были его учениками. Среди них было немало знаменитостей — Федосий Добжанский, Ганс Штуббе, Карл Циммер, Макс Дельбрюк, Георгий Гамов, Герман Меллер и другие. Он не мог вести и переписку. В Биологическом отделении Академии наук СССР и в Академии медицинских наук сохранялось скрыто-недоброжелательное отношение к Тимофееву-Ресовскому, и все попытки его выдвижения в члены-корреспонденты этих академий не доходили до обсуждения. Система избрания в любые академии в Советском Союзе находилась под строгим контролем ЦК КПСС и обеспечивала «избрание» лишь полностью лояльных и проверенных учёных. Среди действительно крупных биологов в СССР Тимофеев-Ресовский общался лишь с академиком-лесоводом Владимиром Николаевичем Сукачёвым, который ввёл в науку учение о биоценозах.

УГРОЗА СУДА

Приезд Тимофеева-Ресовского и группы его уральских сотрудников в Обнинск сразу превратил наш отдел в полноценный научный центр. Лаборатория В. И. Корогодина проводила радиобиологические эксперименты в основном на дрожжевых клетках. Корогодина открыл явление пострадиационного восстановления, то есть способность клеток быстро восстанавливать нормальный рост и размножение после радиационных повреждений. Это противоречило прежним теориям о необратимости радиационных мутаций и в последующем было объяснено действием ферментов, способных удалять и заменять повреждённые участки ДНК. Возникла новая отрасль биохимической генетики. Были также пересмотрены в сторону снижения уровня опасности малых доз радиации. Лаборатория Тимофеева-Ресовского развернула работу с дрозофилой и оборудовала теплицу для изучения радиационной генетики растений. На небольшом огороженном участке леса, недалеко от лабораторного корпуса, был начат долгосрочный опыт по распределению радиоактивных изотопов в лесных биоценозах. Я всё ещё ограничивался опытами на головастиках и лягушках, планируя перейти на мышей в конце 1964 года, когда ожидалось завершение строительства вивария и радиоизотопного корпуса. Лаборатория молекулярной радиобиологии была по тому времени уже хорошо оборудована. Особенно важным было приобретение двух американских суперцентрифуг. Рита тоже начала работу в лаборатории — сначала на добровольных началах, а затем в должности младшего научного сотрудника. В Обнинске для биологов и биохимиков не было альтернативных возможностей трудоустройства и «семейственность» поэтому не преследовалась.

В июне 1964 года Лысенко потерпел крупное поражение при попытке обеспечить избрание двух своих преданных сотрудников — Н. И. Нуждина в действительные члены и В. Н. Ремесло в члены-корреспонденты Академии наук СССР. При обсуждении кандидатуры Нуждина (его представил академик Н. В. Цицин) на общем собрании АН СССР 26 июня против его избрания выступили академик В. А. Энгельгардт, академик И. Е. Тамм и — неожиданно для всех и очень темпераментно — академик А. Д. Сахаров. Сахаров был в то время мало известным физиком, так как он работал в глубоко засекреченном институте в Горьковской области, который занимался разработкой разных моделей водородной бомбы. Он был трижды Герой

Социалистического Труда, но все его награждения и присвоение званий, включая и избрание в академики, производились без публикаций в прессе. В СССР в то время шесть академиков — атомных физиков — были засекречены и их имена и институты не были включены в справочники Академии наук. 114 академиков из 137 участвовавших в голосовании проголосовали против Нуждина, хотя все члены Общего собрания безусловно знали, что его кандидатура была ранее одобрена в ЦК КПСС и успешно прошла через Отделение биологии и что на Общем собрании АН СССР присутствовал секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичёв. Это означало, что против Нуждина голосовали в основном физики, химики, астрономы, математики и другие представители точных наук. Непокорность академиков была совершенно новым явлением в жизни страны, вызовом руководству КПСС и прежде всего политике Хрущёва.

В начале июля, взяв отпуск сразу за два года, я с семейством уехал отдыхать в Крым, в Никитский ботанический сад. Во время отдыха я почти отвык от газет и, возвращаясь 29 августа через Москву домой, в Обнинск, перед посадкой на электричку на Киевском вокзале решил купить газету. Было уже поздно, и в газетных киосках продавалась лишь «Сельская жизнь», которую москвичи обычно не покупают. Развернув в вагоне газету, я сразу увидел большую статью президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) М. А. Ольшанского «Против дезинформации и клеветы». Читая статью, я быстро обнаружил, что она в первую очередь была посвящена моей рукописи «Биологическая наука и культ личности», заголовок которой Ольшанский не приводил.

«В последнее время ходит по рукам составленная Ж. Медведевым объёмистая «записка», полная грязных измышлений о нашей биологической науке, — писал Ольшанский. — В высокомерно-издевательской форме он походя «ниспровергает» теоретические основы мичуринской биологии... автор прибег к политической клевете, что не может не вызвать гнева и возмущения... Ж. Медведев доходит до чудовищных утверждений, будто бы учёные мичуринского направления повинны в репрессиях, которым подвергались некоторые работники науки... Политическая спекуляция Ж. Медведева производит впечатление на некоторых малосведущих и не в меру простодушных лиц. Чем иначе можно объяснить, что на одном из собраний Академии наук СССР академик А. Д. Сахаров, инженер по специальности, допустил в своём публичном выступлении

весьма далёкий от науки оскорбительный выпад против учёных-мичуринцев...» Ольшанский далее заявлял, что «пришло время», чтобы Медведев «ответил перед судом за распространение клеветы».

Приступив к работе в лаборатории, я быстро почувствовал, что отношение ко мне в партийной организации и в администрации института изменилось. Сначала ко мне пришёл парторг отдела Б., чтобы «поговорить по-дружески» о том, что я «ставлю всех в трудное положение». Затем последовал вызов на партийное бюро для объяснений. Столь быстрая реакция на статью в «Сельской жизни» была непонятна. Лишь через много лет из изданной в Ленинграде книги «Репрессированная наука» (1991) я узнал, что Ольшанский ещё 14 июля написал для Хрущёва «Докладную записку» с объяснениями:

«В связи с выступлением академика А. Д. Сахарова на сессии Академии наук СССР считаю своим долгом довести до Вашего сведения о следующем... Многие противники Лысенко пользуются недостойным приёмом — клеветой... Более двух лет распространяется перепечатаваемая на машинке объёмом в 210 страниц книга Ж. Медведева «Культ личности и биологическая наука» — ворох грязных клеветнических выпадов, имеющих целью скомпрометировать Т. Д. Лысенко как учёного, гражданина, человека. В числе других обвинений здесь на десятках страниц муссируется клевета о виновности Т. Д. Лысенко в гибели академика Н. И. Вавилова и ряда других советских учёных... Лысенко угнетён и обескуражен. Ни один голос на сессии Академии не раздался в его защиту, он вынужден был сам заявить на сессии Академии, что он не преступник, что он честный человек. Где же найти защиту от гнусной, оскорбительной, с грязью смешивающей достоинство советского человека клеветы? Ведь есть же Закон, ограждающий советского человека. Почему же он не распространяется на академика Т. Д. Лысенко?»

«Докладная записка» Ольшанского вызвала гнев Хрущёва. Президент АН СССР М. В. Келдыш был вызван к нему для объяснений. Потребовали объяснительную записку в ЦК КПСС и от академика Сахарова. Он написал её в резкой форме, чем вызвал ещё большее раздражение Хрущёва. Были созданы комиссии по проверке деятельности Академии и отдельно для проверки Института физико-химической биологии, который возглавлял академик В. А. Энгельгардт. Какие-то директивы неизбежно поступили в АМН СССР и в Калужский обком в отношении Ж. А. Медведева. Для Хрущёва в это время главной

проблемой был, однако, плохой урожай по всей стране. В 1963 году сильный неурожай привёл к необходимости впервые в истории СССР закупок зерна в США и в других странах, вплоть до Австралии, причём с оплатой из золотого запаса. Повторение этого в 1964 году было бы угрозой для самого Хрущёва. Поехав по стране, он решил, что необходима новая реорганизация. Написав проект доклада о перестройке всей сельскохозяйственной отрасли СССР, Хрущёв уехал в Крым для осмотра импортных птицефабрик, а затем — в Пицунду, в Абхазии. Здесь у него и у Анастаса Микояна были дачи в реликтовом сосновом лесу на берегу Чёрного моря. Морской воздух, смешанный с испарениями хвои и смол, был целительной комбинацией, и правительственные дачи отгородили бетонным забором от остальных отдыхающих большую часть этого уникального леса-заповедника. В своём проекте Хрущёв предлагал ликвидировать министерство сельского хозяйства и заменить его 12 государственных комитетами по отраслям. Планировалось создание госкомитетов по животноводству, птицеводству, производству зерна, техническим культурам, химизации и т. д. Проект Хрущёва был направлен не только членам Президиума ЦК КПСС, но и всем секретарям обкомов.

Я ожидал, что статья Ольшанского в «Сельской жизни» приведёт к письмам и телефонным звонкам домой или в институт от генетиков и других учёных, готовых выступить в мою защиту. Но никаких звонков или писем в первую неделю после моего возвращения не было. Лишь 5 сентября я обнаружил в почтовом ящике письмо без обратного адреса, отправленное, судя по штампу, из Рязани. Распечатыв конверт я с удивлением и радостью обнаружил: Солженицын.

«Многоуважаемый Жорес Александрович!

Этим летом я прочёл Ваши «Очерки». За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала, как эта Ваша. Её искренность, убедительность, простота, верность построения и верно выбранный тон — выше всяких похвал. О современности её нечего и говорить. Я знаю, что многих читателей она очень волнует, хотя бы они были далеки от биологии... Ваша книга состоит из одних неопровержимостей, и тот суд, который приёмчиками старого времени накликает Ольшанский, будь он широкий и гласный — на его же голову и обрушится...»

В конце письма был и обратный адрес: г. Рязань, 23, 1-й Касьяновский пер., 12, кв. 3.

Продолжение следует